

Естественные элиты, интеллектуалы и государство

Ханс-Херман Хоппе

Введение

Государство — это территориальный монополист принуждения, орган, который может заниматься постоянными институционализированными нарушениями прав собственности и эксплуатацией владельцев частной собственности путем экспроприации, налогообложения и регулирования.

Но как возникают государства? Существует две теории происхождения государства. Одна точка зрения связана с такими личностями, как Франц Оппенгеймер, Александр Рюстов и Альберт Джей Нок, и утверждает, что государства возникли в результате принудительного порабощения одних групп другими. Это теория экзогенного происхождения государства.

Однако эта точка зрения подверглась серьезной критике как на исторических, так и на теоретических основаниях со стороны этнографов и антропологов, таких как Вильгельм Мюльман. Эти критики указывают на то, что не все государства возникли в результате внешних завоеваний. Действительно, критики считают хронологически ложным мнение о том, что самые первые

Ханс-Херман Хоппе — почетный профессор экономики Университета Невады в Лас-Вегасе, выдающийся старший научный сотрудник Института Мизеса и президент Property and Freedom Society. © 2013 Институт Людвиг фон Мизеса.

Автор перевода: Андрей Шевцов

тают хронологически ложным мнение о том, что самые первые государства были результатом нападения кочевых скотоводов на оседлых фермеров. Более того, теоретически эта точка зрения сталкивается с проблемой, связанной с тем, что само завоевание, как представляется, предполагает государственно-подобную организацию среди самих завоевателей. Следовательно, экзогенное происхождение государства требует более фундаментальной эндогенной теории.

Такую теорию представил Бертран де Жувенель. По его мнению, государства являются порождением естественных элит: естественный результат добровольных сделок между владельцами частной собственности носит неэгалитарный, иерархический и элитарный характер. В каждом обществе несколько человек приобретают статус элиты благодаря своему таланту. Благодаря большим успехам в достатке, мудрости и храбрости эти люди становятся обладателями естественного авторитета, а их мнения и суждения пользуются всеобщим уважением. Более того, благодаря избирательному спариванию, браку и законам гражданского и генетического наследования, положения естественного авторитета, вероятно, будут передаваться в нескольких благородных семьях. Именно к главам этих семей с давними достижениями, дальновидностью и образцовым личным поведением люди обращаются со своими проблемами и жалобами друг на друга. Эти лидеры естественных элит выступают в качестве судей и миротворцев, зачастую бесплатно, из чувства долга, ожидаемого от человека, наделенного властью, или из заботы о гражданском правосудии как о частном «общественном благе».

Небольшой, но решающий шаг в переходе к государству заключается именно в монополизации функции судьи и миротворца. Это произошло после того, как один член добровольно признанной естественной элиты смог настоять, несмотря на противодействие других членов элиты, на том, чтобы все конфликты на определенной территории рассматривались исключительно им. Конфликтующие стороны больше не могли выбирать другого судью или миротворца.

Происхождение монархии

Если рассматривать возникновение государства как результат

выше описанного, иерархически структурированного порядка естественных элит, становится понятно, почему человечество на протяжении большей части своей истории находилось под монархическим (а не демократическим) правлением. Конечно, существовали исключения: Афинская демократия, Рим до 31 года до н.э., республики Венеции, Флоренции и Генуи в эпоху Возрождения, швейцарские кантоны с 1291 года, Объединенные провинции Нидерландов с 1648 по 1673 и Англия при Кромвеле.

Но это все редкие случаи, и ни один из них даже отдаленно не напоминает современные демократические системы, основанные на принципе «один человек - один голос». Скорее, они тоже были в значительной степени элитарными. В Афинах, например, не более 5% населения принимало участие в голосовании и имело право занимать руководящие должности. Только после окончания Первой мировой войны человечество по-настоящему покинуло монархический век.

Монополизация власти

После того, как один член естественной элиты успешно монополизировал функцию судьи и миротворца, закон и правоприменение стали обходиться дороже. Вместо того чтобы предоставляться бесплатно или в обмен на добровольную оплату, они финансировались за счет обязательных налогов. В то же время качество права ухудшилось. Вместо того чтобы отстаивать старинные законы о частной собственности и применять универсальные и неизменные принципы правосудия, судья-монополист, который мог не бояться потерять свою репутацию в результате менее объективного и беспристрастного рассмотрения дел, извращал существующий закон в своих интересах.

Как стал возможен этот небольшой, но решительный переход к монополизации закона и порядка королем, которая предсказуемо привела к снижению качества правосудия и росту издержек? Очевидно, что другие представители естественной элиты воспротивились бы любой подобной попытке. И именно поэтому будущие короли обычно примыкали к «народу» или «простому человеку». Взывая к неизменно популярному чувству зависти, короли обещали народу более дешевое и качественное

правосудие в обмен и за счет налогообложения, сокращенного до размеров, которые могут предложить конкуренты короля. Кроме того, короли заручались помощью класса интеллектуалов.

Роль интеллектуалов

С ростом уровня жизни можно было бы ожидать роста спроса на интеллектуальные услуги. Однако большинство людей озабочены довольно земными и мирскими делами и интеллектуальные стремления им мало полезны. Помимо церкви, спрос на услуги интеллектуалов был только у представителей естественной элиты — в качестве учителей для своих детей, личных советников, секретарей и библиотекарей. Занятость интеллектуалов была нестабильной, а оплата, как правило, низкой. Более того, хотя представители естественной элиты сами редко были интеллектуалами (то есть людьми, посвящающими почти все свое время научным изысканиям), а были людьми, озабоченными ведением земных дел, они, как правило, были столь же сообразительны, как и их интеллектуальные работники. Потому уважение от них к достижениям «своих» интеллектуалов было весьма скромным.

Неудивительно, что интеллектуалы, страдающие сильно раздутым представлением о себе, возмущались этим фактом. Как несправедливо, что те — естественные элиты — которых они учили, фактически были их начальниками и вели комфортную жизнь, в то время как они — интеллектуалы — были сравнительно бедными и зависимыми. Также неудивительно, что интеллектуалы могли быть легко покорены королем в его попытке утвердиться в качестве монополиста правосудия. В обмен на их идеологическое обоснование монархического правления король мог не только предложить им лучшую и более высокостатусную работу, но и, как интеллектуалы королевского двора, они, наконец, могли отплатить естественным элитам за их неуважение.

Тем не менее улучшение положения интеллектуального класса было весьма средним. При монархическом правлении существовало четкое различие между правителем (королем) и управляемыми, и управляемые знали, что они никогда не смогут

стать правителями. Соответственно, не только естественные элиты, но и простые люди оказывали значительное сопротивление малейшему увеличению власти короля. Таким образом, королю было чрезвычайно трудно повышать налоги, а возможности трудоустройства интеллектуалов оставались крайне ограниченными. Кроме того, надежно закрепившись, король относился к своим интеллектуалам ненамного лучше, чем к естественной элите. А учитывая, что король контролировал более обширные территории, чем когда-либо контролировала естественная элита, впасть в немилость к нему было еще опаснее и делало положение интеллектуалов в некотором роде более прихотливым.

Изучение биографий ведущих интеллектуалов — от Шекспира до Гёте, от Декарта до Локка, от Маркса до Спенсера — показывает примерно одну и ту же закономерность: вплоть до 19 века их работы спонсировались частными меценатами, представителями естественной элиты, принцами или королями. Попадая или теряя расположение своих спонсоров, они часто меняли работу и были географически очень мобильны. Хотя это часто означало финансовую нестабильность, это способствовало не только уникальному космополитизму интеллектуалов (о чем свидетельствует их знание многих языков), но и исключительной интеллектуальной независимости. Если бы один донор или меценат больше не поддерживал их, существовало много других, которые с радостью заполнили бы этот пробел. Действительно, интеллектуальная и культурная жизнь процветала все сильнее, а независимость интеллектуалов была наибольшей там, где позиции короля или центрального правительства были относительно слабыми, а позиции естественных элит оставались относительно сильными.

Восход демократии

Фундаментальные изменения в отношениях между государством, естественными элитами и интеллектуалами произошло только с переходом от монархического правления к демократическому. Именно завышенная цена правосудия и извращение древнего закона королями, как монополистическими судьями и миротворцами, мотивировали историческую оппозицию про-

тив монархии. Но в отношении причин этого явления возобладала путаница. Были те, кто правильно понимал, что проблема заключалась в монополии, а не в элите или знати. Однако их намного превосходили те, кто ошибочно обвинял в этой проблеме элитарный характер правителя и кто выступал за сохранение монополии на закон и правоприменение, просто заменив короля и видимую королевскую напыщенность на «народ» и предполагаемую порядочность «простого человека». Отсюда исторический успех демократии.

Как иронично, что монархизм был разрушен теми же социальными силами, которые изначально сами короли стимулировали и задействовали, начав исключать конкурирующие естественные власти из числа судей: зависть простых людей к своим ставленникам и стремление интеллектуалов занять свое якобы заслуженное место в обществе. Когда обещания короля о лучшем и более дешевом правосудии оказались пустыми, интеллектуалы обратили эгалитарные настроения, которые ранее поощряли короли, против самих монархических правителей. Поэтому казалось логичным, что короли тоже должны быть свергнуты и что эгалитарная политика, начатая монархами, должна быть доведена до своего окончательного завершения: монопольного контроля над судебной системой простым человеком. Для интеллектуалов это означало, что они сами являются представителями народа.

Как и предсказывала элементарная экономическая теория, с переходом от монархического к демократическому правлению по принципу «один человек - один голос» и заменой короля народом — дела пошли еще хуже. Цена правосудия астрономически возросла, в то время как качество права постоянно ухудшалось. Ибо этот переход свелся к тому, что система частной государственной собственности — частная монополия — была заменена системой государственной собственности — монополией, принадлежащей народу.

Возникла «трагедия общин». Каждый, а не только король, теперь имел право попытаться захватить частную собственность всех остальных. Последствиями стали усиление государственной эксплуатации (налогообложение); деградация права до такой степени, что идея свода универсальных и неизменных принципов справедливости исчезла и была заменена идеей закона как законодательства (созданного, а не найденного и навечно «даро-

ванного» закона); и увеличение социальной ставки временных предпочтений (усиление ориентации на настоящее).

Король владел территорией и мог передать ее своему сыну, и поэтому старался сохранить ее ценность. Демократический правитель был и остается временным управляющим и поэтому пытается максимизировать текущие государственные доходы всех типов за счет капитальной стоимости и, следовательно, растрат.

Вот некоторые из последствий: в эпоху монархии до Первой мировой войны государственные расходы в процентах от ВВП редко превышали 5%. С тех пор они, как правило, выросли примерно до 50%. До Первой мировой войны государственная занятость обычно составляла менее 3% от общей занятости. С тех пор этот показатель увеличился до 15-20%. Монархическая эпоха характеризовалась товарными деньгами (золотом) и постепенным увеличением покупательной способности денег. В противовес этому, век демократии — это век бумажных денег, покупательная способность которых постоянно снижается.

Короли все глубже и глубже залезали в долги, но, по крайней мере, в мирное время они обычно снижали свою долговую нагрузку. В демократическую эпоху государственные долги раздувались и в войну, и в мирное время до невероятных размеров. Реальные процентные ставки в эпоху монархии постепенно снизились примерно до 2½%. С тех пор реальные процентные ставки (номинальные ставки, скорректированные с учетом инфляции) выросли примерно до 5%, что соответствует ставкам 15 века. Законодательства практически не существовало до конца 19 века. В то время как сегодня за один год принимаются десятки тысяч законов и нормативных актов. При этом уровень сбережений снижается, а не увеличивается с ростом доходов, а показатели преступности и разводов в семьях постоянно растут.

Судьба естественных элит

В то время как государство стало жить намного лучше при демократическом правлении, а «народ» стал жить намного хуже с тех пор, как начал править «сам», что же с естественной элитой и интеллектуалами? Что касается первых, то демократизация

преуспела там, где короли сделали лишь одно скромное начинание — попытались окончательно уничтожить естественную элиту и знать. Состояния великих семей рассеялись из-за конфискационных налогов при жизни и в момент смерти. Традиции экономической независимости, интеллектуальной дальновидности, морального и духовного лидерства этих семей были утрачены и забыты.

Богатые люди существуют и сегодня, но чаще всего они прямо или косвенно обязаны своим состоянием государству. Следовательно, они часто более зависимы от постоянной благосклонности от своего государства, чем многие люди с гораздо меньшими доходами. Как правило, это уже не главы давно устоявшихся ведущих семей, а «нувориши». Их поведение не характеризуется добродетелью, мудростью, достоинством или вкусом, а является отражением той же пролетарской массовой культуры ориентации на настоящее, оппортунизма и гедонизма, которую богатые и знаменитые теперь разделяют со всеми остальными. Следовательно — и слава богу — их мнения имеют не больший вес в обществе, чем мнение большинства других людей.

Демократия достигла того, о чем Кейнс мог только мечтать — «эвтаназии класса рантье». Утверждение Кейнса о том, что «в долгосрочной перспективе мы все мертвы», точно выражает демократический дух нашего времени: гедонизм, ориентированный на настоящее. И хотя не мыслить дальше собственной жизни это порочно, такое мышление стало типичным. Вместо того чтобы облагородить пролетариев, демократия пролетаризировала элиты и систематически извращала мышление и суждения масс.

Судьба интеллектуалов

С другой стороны, в то время как естественные элиты уничтожались, интеллектуалы заняли более видное и влиятельное положение в обществе. Несомненно, в основном они достигли своей цели и стали правящим классом, контролирующим государство и функционирующим в качестве судьи-монополиста.

Это не означает, что все демократически избранные политики — интеллектуалы (хотя в наши дни, безусловно, большее

количество интеллектуалов становятся президентами, чем раньше оные становились королями). В конце концов, чтобы быть интеллектуалом, требуются несколько иные навыки и таланты, чем для того, чтобы иметь массовую популярность и быть успешным сборщиком средств. Но даже неинтеллектуалы являются продуктом идеологической индоктринации, проводимой финансируемыми за счет государственных налогов школами, университетами и нанятыми государством интеллектуалами. Ведь почти все их советники взяты из этого контингента.

Почти нет экономистов, философов, историков или социальных теоретиков высокого уровня, которых нанимали бы в частном порядке представители естественной элиты. И те немногие оставшиеся представители старой элиты, которые могли бы покупать их услуги, больше не могут позволить себе интеллектуалов в финансовом отношении. Вместо этого интеллектуалы теперь, как правило, являются государственными служащими, даже если они работают в номинально частных учреждениях или фондах. Почти полностью защищенные от капризов потребительского спроса («штатные»), их число резко возросло, а их вознаграждение в среднем намного выше их реальной рыночной стоимости. В то же время качество их интеллектуальной деятельности постоянно падает.

Вы обнаружите в основном неактуальность и непостижимость. Хуже того, в той мере, в какой сегодняшняя интеллектуальная деятельность хоть сколько-нибудь релевантна и понятна, она является злободневно государственной. Есть исключения, но если практически все интеллектуалы заняты во многих отраслях государственного аппарата, то вряд ли стоит удивляться, что большая часть их все более объемной деятельности, будь то по поручению или случайно, является государственной пропагандой. Пропагандистов демократического правления сегодня больше, чем когда-либо было пропагандистов монархического правления за всю историю человечества.

Этот, казалось бы, неостановимый дрейф к государственному этатизму иллюстрируется судьбой так называемой Чикагской школы: Милтона Фридмана, его предшественников и последователей. В 1930-х и 1940-х годах Чикагская школа считалась довольно левой, и это справедливо, учитывая, что Фридман, например, выступал за центральный банк и бумажные деньги вместо золотого стандарта. Он искренне поддерживал прин-

цип государства всеобщего благосостояния, предложив гарантированный минимальный доход (отрицательный подоходный налог), для которого он не так и не смог установить предел. Он выступал за прогрессивный подоходный налог для достижения своих явно эгалитарных целей (и лично помогал вводить удерживающий налог — *withholding tax*). Фридман одобрил идею о том, что государство может вводить налоги для финансирования производства всех товаров, которые имеют положительный эффект для общества или которые, по его мнению, будут иметь такой эффект. Это, конечно, подразумевает, что нет почти ничего, что государство не могло бы финансировать за счет налогов!

Кроме того, Фридман и его последователи были сторонниками самой поверхностной из всех поверхностных философий: этического и эпистемологического релятивизма: не существует окончательных моральных истин, а все наши фактические, эмпирические знания в лучшем случае верны только гипотетически. И при этом они никогда не сомневались в том, что государство должно существовать и что государство должно быть демократическим.

Сегодня, полвека спустя, Чикагская фридмановская школа, не изменив по существу ни одной из своих позиций, считается правой и рыночной. Фактически, эта школа определяет границу респектабельного мнения политически правых, которую пересекают только экстремисты. Таковы масштабы изменений в общественном мнении, которых добились государственные служащие.

Рассмотрим дальнейшие показатели деформации государственного этатизма, привнесенной интеллектуалами. Если взглянуть на статистику выборов, то в целом можно увидеть следующую картину: чем дольше человек проводит в учебных заведениях, например, имеет докторскую степень, по сравнению с тем, кто имеет только степень бакалавра, тем больше вероятность того, что этот человек будет идеологически государственным и проголосует за демократа. Более того, чем выше сумма налогов, используемых для финансирования образования, тем ниже падают баллы SAT и аналогичные показатели интеллектуальной деятельности, и я подозреваю, что еще больше снижаются традиционные стандарты морального и гражданского поведения.

Или рассмотрим следующий пример: в 1994 году спикер

Палаты представителей Ньют Гингрич одобрил Новый курс и социальную защиту, а также высоко оценил законодательство о гражданских правах, то есть позитивную дискриминацию и принудительную интеграцию, которые ответственны за почти полное уничтожение прав частной собственности и подрыв свободы договора, ассоциации и разъединения; это было названо «революцией», а сам он был назван «революционером». Что это за революция, если революционеры всем сердцем приняли государственные предпосылки и причины нынешней катастрофы? Очевидно, что это можно назвать революцией только в интеллектуальной среде, которая является прогосударственной и этатистской до глубины души.

История и идеи

Ситуация кажется безнадежной, но это не так. Во-первых, следует признать, данная ситуация вряд ли может длиться вечно. Демократическая эпоха вряд ли может быть «концом истории», как хотят нас убедить в этом неоконсерваторы, поскольку в этом процессе есть и экономическая сторона.

Вмешательство в рынок неизбежно вызовет еще больше проблем, которые оно по идее должно решить, что приведет к все большему и большему контролю и регулированию, пока мы, наконец, не достигнем полноценного социализма. Если нынешняя тенденция сохранится, можно с уверенностью предсказать, что демократическое государство всеобщего благосостояния на Западе в конце концов рухнет, как это произошло с «народными республиками» на Востоке в конце 1980-х годов. В течение десятилетий реальные доходы на Западе стагнировали или даже упали. Государственный долг и расходы на программы «социального страхования» привели к перспективе экономического краха. В то же время социальные конфликты достигают опасных масштабов.

Возможно, придется подождать экономического коллапса, прежде чем изменится нынешняя государственно-этатистская тенденция. Но даже в случае коллапса необходимо что-то еще. Сбой не приведет автоматически к свертыванию государства. Дела могут стать только хуже.

На самом деле, в новейшей западной истории есть только два четких примера, когда полномочия центрального правительства были фактически сокращены, хотя бы временно, в результате некой катастрофы: в Западной Германии после Второй мировой войны при Людвиге Эрхарде и в Чили при генерале Пиночете. Что необходимо, помимо кризиса, так это идеи — правильные идеи — и люди, способные понять и реализовать их, как только появится такая возможность.

Но если ход истории не является неотвратимым (а это не так), то катастрофа не является ни необходимой, ни неизбежной. В конечном счете ход истории определяется идеями, будь они истинными или ложными, и людьми, действующими в соответствии с истинными или ложными идеями и вдохновляемыми ими. Катастрофа неизбежна только до тех пор, пока господствуют ложные идеи. С другой стороны, как только правильные идеи будут приняты и возобладают в общественном мнении — а идеи, в принципе, могут быть изменены почти мгновенно, — катастрофы вообще не должно будет произойти.

Роль интеллектуалов

Это подводит меня к роли, которую интеллектуалы должны играть в необходимых радикальных и фундаментальных изменениях общественного мнения, и той роли, которую также должны будут сыграть члены естественных элит или то, что от них осталось. Требования с обеих сторон высоки, но как бы высоки они ни были, чтобы предотвратить катастрофу или успешно выйти из нее, эти требования должны быть приняты и теми, и другими как их естественный долг.

Даже если большинство интеллектуалов были порочны и во многом ответственны за нынешние безобразия, без их помощи невозможно осуществить идеологическую революцию. Господство государственных интеллектуалов может быть нарушено только другими интеллектуалами, настроенными первых. К счастью, идеи индивидуальной свободы, частной собственности, свободы договора и ассоциации, личной ответственности и долга, а также идеи государственной власти как главного врага свободы и собственности никуда не исчезнут, пока существует

человечество, просто потому, что они верны, и истина поддерживает саму себя. Более того, не исчезнут и книги мыслителей прошлого, которые высказывали эти идеи. Однако необходимо, чтобы были живые мыслители, которые читали эти книги и могли вспомнить, переформулировать, повторно применить, оттачивать и продвигать эти идеи, а также были способны и готовы дать им личное выражение и открыто противостоять, нападать и опровергать своих коллег-интеллектуалов.

Из этих двух требований — интеллектуальной компетентности и характера — второе является более важным, особенно в наше время. С чисто интеллектуальной точки зрения все обстоит сравнительно просто. Большинство этатистских аргументов, которые мы слышим изо дня в день, легко опровергаются как более или менее экономическая чепуха. Также нередко можно встретить интеллектуалов, которые сами не верят в то, о чем они с восторгом заявляют на публике. Они не просто ошибаются. Они намеренно говорят и пишут то, что заведомо не соответствует действительности. У них нет недостатка в интеллекте — у них нет морали. Это, в свою очередь, подразумевает, что нужно быть готовым не только бороться с ложью, но и со злом — а это гораздо более сложная и отважная задача. В дополнение к лучшим знаниям, она требует мужества.

Как интеллектуал, настроенный против других интеллектуалов, вы можете ожидать предложения взятки — и удивительно, как легко некоторые люди могут быть подкуплены: несколько сотен долларов, приятная поездка, фотосессия с сильными и могущественными мира сего — всего этого зачастую достаточно, чтобы заставить людей продаться. Такие искушения должны быть отвергнуты как презренные. Более того, борясь со злом, человек должен быть готов признать тот факт, что он, вероятно, никогда не будет «успешным». Не будет ни богатства, ни великолепного продвижения по службе, ни профессионального престижа. На самом деле к интеллектуальной «славе» следует относиться с крайним сомнением.

Действительно, человек не только должен смириться с тем, что он будет маргинализирован академическим истеблишментом, но и ожидать, что его коллеги предпримут почти все, чтобы уничтожить его. Просто посмотрите на Людвиг фон Мизеса и Мюррея Ротбарда. Два величайших экономиста и социальных философа 20-го века были, по сути, неприемлемы и непригодны

для работы в академическом истеблишменте. И все же на протяжении всей своей жизни они ни разу не уступили, ни на дюйм. Они никогда не теряли своего достоинства и даже не поддавались пессимизму. Напротив, перед лицом постоянных невзгод они оставались неустрашимыми и даже жизнерадостными и работали с ошеломляющей производительностью. Они были удовлетворены тем, что были преданы истине и ничему, кроме правды.

Роль естественных элит

Именно здесь в игру вступает то, что осталось от естественных элит. Настоящие интеллектуалы, такие как Мизес и Ротбард, не могут делать то, что им нужно без естественных элит. Несмотря на все препятствия, Мизесу и Ротбарду удалось добиться того, чтобы их слышали. Они не были обречены на молчание. Они все еще преподавали и публиковались. Они по-прежнему обращались к аудитории и вдохновляли людей своими прозрениями и идеями. Это было бы невозможно без поддержки других. У Мизеса был Лоуренс Фертиг и Фонд Уильяма Волкера, который выплачивал ему зарплату в Нью-Йоркском университете, а у Ротбарда был Институт Мизеса, который поддерживал его, помогал публиковать и продвигать его книги и обеспечивал институциональную основу, которая позволяла ему говорить и писать то, что должно было быть сказано и написано, и что больше не может быть сказано и написано в академических кругах и официальных государственных СМИ.

Когда-то давным-давно, в додемократическую эпоху, когда дух эгалитаризма еще не уничтожил большинство людей с независимым достатком, независимым умом и суждениями, эту задачу поддержки непопулярных интеллектуалов брали на себя отдельные люди. Но кто сегодня может позволить себе в одиночку нанять интеллектуала в качестве его личного секретаря, советника или учителя его детей? Те, кто еще может, чаще всего глубоко вовлечены во все более коррумпированный альянс большого правительства и большого бизнеса, которые продвигают тех самых интеллектуальных кретинов, доминирующих в государственных академических кругах. Вспомните, например, Рок-

феллера и Киссинджера.

Следовательно, задача поддержки и сохранения истин частной собственности, свободы договора, ассоциации и разобщения, личной ответственности и борьбы с ложью, злом этатизма, релятивизма, моральной коррупцией и безответственностью в настоящее время может быть решена только путем объединения ресурсов [и поддержки таких организаций, как Институт Мизеса](#) — независимой организации, посвященной ценностям, лежащим в основе западной цивилизации, бескомпромиссной и удаленной даже физически от коридоров власти. Его программа стипендий, преподавания, публикаций и конференций — не что иное, как островок моральной и интеллектуальной порядочности в море коррупции.

Безусловно, первое обязательство любого порядочного человека — это обязательства перед самим собой и своей семьей. В условиях свободного рынка он должен зарабатывать столько денег сколько может, потому что чем больше денег он зарабатывает, тем больше пользы он приносит своим ближним.

Но этого недостаточно. Интеллектуал должен быть привержен истине, независимо от того, окупится это в краткосрочной перспективе или нет. Аналогичным образом, у естественной элиты есть обязательства, которые выходят далеко за рамки их самих и их семей.

Чем успешнее они как бизнесмены и профессионалы, и чем больше людей признает их успешными, тем важнее, чтобы они подавали пример: чтобы они стремились соответствовать самым высоким стандартам этического поведения. Это означает, что они должны принять как свой долг, действительно как свой благородный долг, открыто, гордо и настолько щедро, насколько это возможно, поддержание этих ценностей, которые признаются ими как правильные и истинные.

Они получают взамен интеллектуальное вдохновение, питание и силу, а также знание того, что их имена будут жить вечно как пример выдающихся личностей, которые поднялись над массами и внесли значительный вклад в развитие человечества.

Институт Людвиг фон Мизеса может стать мощнейшим учреждением, образцом для возрождения подлинного обучения и близким к бытию университета преподавания и науки. Даже если мы не увидим триумфа наших идей при жизни, мы будем знать и вечно гордиться тем, что отдали этому все свои силы и сделали то, что должен был сделать каждый честный и благородный человек.